

МЕСТО ПЬЕМОНТСКОГО ВОПРОСА В РУССКО-ФРАНЦУЗСКИХ ОТНОШЕНИЯХ В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XIX ВЕКОВ

Пьемонт или Сардинское королевство, государство, расположенное в плодороднейших долинах верхнего и среднего течения реки По на северо-западе Италии, окруженное с севера и запада дугой Альпийских гор, а на юге ограниченное Лигурийскими Апеннинскими горами, имело выход к Средиземному морю через г. Ниццу. Столицей Пьемонта являлся Турин, один из важнейших городов Северной Италии. По своему положению это королевство было всегда воротами для французских вторжений на Апеннины, потому что вопрос о независимости Пьемонта в трагическую эпоху грандиозных потрясений, связанных с Великой Французской революцией и консульским правлением Наполеона Бонапарта, приобрел особенное значение в отношениях России и Франции.

Для Франции овладение Пьемонтом означало заложение прочного фундамента для своего владычества над Италией. Уже в 1792–95 гг. её войска овладели Савойей на северо-западе Пьемонта и Ниццей на юге. В апреле 1796 г. оттуда начал свое вторжение в Пьемонт командующий Итальянской армией Республики генерал Бонапарт. Сражения при Монтенотте и Мондови вынудили Сардинское королевство заключить перемирие с победителем и привели к его фактической оккупации французами¹, хотя формально власть короля Карла Эммануила II и была сохранена. В течение последующих трех лет ресурсы королевства нещадно эксплуатировались победителями, и абсолютная королевская власть и права дворянства были практически парализованы. Неудивительно, что когда осенью 1798 г. против Французской республики составила 2-я коалиция в составе России, Австрийской империи, Англии, Неаполя и Турции, король и его министры вступили в тайные сношения с коалиционерами, но их переписка была перехвачена, и 28 ноября французские полки под предводительством генерала Б. Жубера вступили в Турин. «Король

отрекся от престола и удалился со своей семьей и казной на остров Сардинию»².

В последовавшие шесть месяцев Пьемонт находился уже под официальной французской оккупацией. Однако, император Павел I, вступая в войну с Францией, имел одной из важнейших целей своих восстановление независимости итальянских государств, в том числе и Пьемонта. Энергичные действия русско-австрийской армии А. В. Суворова в апреле-мае 1799 г. привели к тому, что во второй половине мая Пьемонт был освобожден, и 27 мая Суворов вступил в Турин³. Победа на реке Треббии 6-8 июня над французской армией генерала Ж-С-Ф-А. Макдональда окончательно закрепила освобождение Пьемонта от французов. А. В. Суворов обратился к королю с приглашением покинуть Сардинию и вернуться в Турин. Но австрийский император Франц II желал аннексировать Пьемонт и тем самым вознаградить себя за военные поражения и территориальные утраты, понесенные в 1796–1797 гг. от Бонапарта. В письме к Суворову он писал: «Сколь ни прискорбно мне... я не одобряю всех распоряжений, о которых доносите вы... относительно политического и гражданского управления в пьемонтских владениях... Посему я должен поручить вам... все ваши по сему предмету распоряжения отменить...»⁴. Так Пьемонт вместо свободы сменил французское владычество на австрийское.

Оно, однако же, длилось не долго: генерал Бонапарт, вырвавшись из Египта, 8-9 ноября 1799 г. сверг Директорию и стал Первым консулом Республики. Остро нуждаясь в укреплении своей власти, захваченной путем переворота, хотя и поддержанной буржуазией, армией и простым народом Франции, он уже в мае 1800 г. возобновляет войну с Австрией, вступает через Сен-Бернарский перевал в Италию и 14 июня 1800 г. в битве при Маренго побеждает австрийцев. Плоды побед Суворова идут прахом, и Пьемонт снова переходит в руки Республики.

Именно в это время Бонапарт формулирует для себя как важнейшую внешнеполитическую задачу добиться нормализации отношений с Россией. В преддверии битвы при Маренго он пишет наставление французскому министру иностранных дел Ш-М. Талейрану: «Надо оказывать Павлу знаки внимания, и надо, чтобы он знал, что мы хотим вступить с ним в переговоры»⁵. Через месяц после Маренго, 19 июля Талейран обращается, по приказу Бонапарта, к русскому министру графу Н. И. Панину со знаменитым предложением вернуть без всяких условий всех (!) русских пленных, попавших в руки французов в 1799 г.⁶. Не прошло и месяца,

как даже не дождавшись ответа на первое послание, Талейран отправил в Санкт-Петербург новое письмо, теперь уже касавшееся судьбы острова Мальта⁷. Оба письма были выдержаны в столь дружественном тоне по отношению к российскому императору, его доблестной армии и судьбе Мальты, что Павел I не устоял, лёд был сломан, и уже в августе 1800 г. в Берлине французский и русский посланники начали предварительные переговоры.

В сентябре 1800 г. новый министр иностранных дел России граф Ф. В. Ростопчин сформулировал и отправил в Париж одобренные императором Павлом I **непеременные условия, при соблюдении которых французской стороной, можно начать мирные переговоры**. В ноте говорилось следующее: «Его Императорское Величество... приказал мне довести до сведения первого консула, что дружественные отношения с моим Государем могут быть установлены только посредством исполнения Его пожеланий...»

1. Возвращение острова Мальта со всеми его владениями Ордену Св. Иоанна Иерусалимского, которого Всероссийский император состоит Великим Магистром.

2. Водворение Сардинского короля в его владения в том виде, как они были до вступления французов в Италию.

3. Неприкосновенность земель короля Обеих Сицилий...»⁸.

Так впервые от Наполеона Бонапарта русский император потребовал, как непременное условие для заключения мира, восстановить *status quo* в Италии и вернуть Пьемонт королю Сардинии. Первый консул молча принял это к сведению. Уже в конце сентября, чтобы вести переговоры о возвращении русских пленных, отправляется во Францию генерал Спренгпортен, который фактически начал переговорный процесс о заключении мира между Францией и Россией. Масштабность этих переговоров в октябре-декабре 1800 г. нарастала с такой скоростью, а взаимная симпатия первого консула и императора прогрессировала с такой быстротой, что частный Пьемонтский вопрос как-то сам собою растворился среди грандиозных замыслов союза и войны против коварного Альбиона. Возможно, судьба маленького Пьемонта вообще бы была под сурдинку забыта, но гибель императора Павла I в Михайловском замке воскресила её и вывела на новый виток переговоров уже в первые месяцы царствования Александра I.

Если «отходной» надеждам пьемонтского короля можно считать следующий пассаж из письма императора Павла от 14 января 1801 г. к Бона-

парту: «Я желаю со своей стороны, мира Европе, который мы, конечно, можем дать. Но я не хочу вмешиваться для предписания границ в Италии или в Германии чтобы избежать последствий, которые это повлечет за собою. Несомненно, что две большие державы, в согласии между собою, будут иметь положительное влияние на остальную Европу. Я готов это сделать»⁹. То определенную, хотя и слабую надежду на «воскресение» несли следующие строки из рескрипта Александра I русскому послу в Берлине А. И. Крюденеру от 5/17 июля 1801 г.: «Что касается Италии, то каков бы ни был интерес, проявляемый мною к её независимости и поддержанию данных правительств, которые до сего времени избежали косы революции в этой важной части Европы, я предоставляю первому консулу все возможные уступки с тем, чтобы моё вмешательство в пользу королей Неаполя и Сардинии не вызвало реальных препятствий на пути к желаемому примирению»¹⁰.

Но почему Александр I, не связанный никакими обязательствами, все же вспоминает о Пьемонте? Ответ мы можем найти в его рескрипте русскому послу в Париже А. С. Колычеву от 16/28 апреля 1801 г.: «Так как я не преследую никаких личных интересов и одушевлен единственным желанием содействовать общему благу..., то мои взгляды не могут быть заподозрены; но достоинство империи требует, чтобы оно отражалось в переговорах, которые ведутся при моем посредничестве...»¹¹. Участь Германии и то, что будет установлено относительно Италии – вот два главных предмета моих забот»¹². Упоминаемое молодым императором «достоинство империи» есть ни что иное как великодержавие, которого раз достигнув, как бы ни было тяжело его бремя, более уже никогда нельзя терять, не потеряв при этом как достоинства, так и чести. Но следование этим путем в отношениях с первым консулом, генералом Бонапартом, несет в самом себе семена раздора с консульской республикой и войну с будущей империей!

Неудивительно тогда, что уже на следующей странице рескрипта А. С. Колычеву император выражает недовольство поведением французского правительства: «... Одним из условий сближения было также восставление сардинского короля в его Пьемонтских владениях..., но меры, которые принимают французы на глазах у всех во владениях его сардинского величества в Италии, обнаруживают менее всего желание с их стороны выполнить в этом отношении обязательства, данные ими покойному императору блаженной памяти (т.е. Павлу I. – Б.К.)»¹³. Одновременно

Александр I выразил недовольство по поводу отношения французов к Неаполитанскому королевству¹⁴ и к Египту и Турции¹⁵.

Фактически в рескрипте от 28 апреля видна целая программа, исполнение которой необходимо с точки зрения императора для заключения мира между Францией и Россией, для которой именно в выполнении этих требований генералом Бонапартом и заключается сохранение «достоинства империи».

А что же первый консул? В эти же дни в инструкциях М-Ж-Х. Дюроку, посылаемому в С.-Петербург, он писал: «о сардинском короле вы скажете, что мы очень жалуемся на то, что английский флот снабжают провиантом и что армия генерала Аберкромби¹⁶ снабжается значительными подвозами. Говоря о наших настоящих отношениях, вы скажете, что прежде всего необходимо заключить мир; - что проволоочки особенно вредны, так как оба государства очень удалены друг от друга, и события в Германии и Италии растут с каждым днем... Вы скажете, что мы всегда считали участие, которое Павел I принимал в некоторых итальянских государях, интересом частным, а не политическим... , что сардинский король до того раздражил своих подданных, что трудно будет поддержать его на престоле иначе, как при помощи многочисленной армии; - что, кроме того, что этот государь очень дурно поступал, легко понять, что французское правительство не может любить мертвецов; - что к тому же, при новой системе итальянских дел... сардинский король не представляет никакого политического интереса...»¹⁷.

Ну, конечно же первый консул лукавит: если бы сардинский король, а точнее его восстановление в Пьемонте, не представляло бы никакого интереса, разве его скромной персоне было бы уделено в пять раз больше места в тексте инструкции, чем Фердинанду неаполитанскому?¹⁸ Столь развернутая аргументация невозможности возвращения Карла-Эммануила II в Пьемонт говорит лишь об одном: Бонапарт хочет во что бы то ни стало удержать страну за собою, прекрасно понимая её стратегическую важность для контроля над Италией.

Однако русский посол не дремлет и собирает сведения, и в донесении от 10/22 мая вскрывает противоречивость планов относительно Пьемонта и Ломбардии царящую между братьями Бонапарт: «граф Кобенцль¹⁹ сообщил мне, что недавно он был в Мортфонтене у брата 1-го консула, и что Иос. Б-г²⁰ указал ему следующие основы для Италии: присоединить Пьемонт к Цизальпинской республике²¹ и отдать всё герцогу Пармскому²² с титулом Ломбардского короля... савойскому дому Тоскану... На

другой день гр. Кобенцль явился в Мальмезон, и 1-й консул заговорил с ним о другом плане: «Пьемонт – к Цизальпине, ... королю²³ Тоскану...»²⁴.

Именно информация, полученная из Парижа, позволяет императору Александру занять очень правильную позицию по пьемонтскому вопросу, как можно видеть из донесения Дюрока от 24 мая/5 июня 1801 г.: «Потом речь шла об Италии. Он²⁵ сказал: «Участие моего покойного родителя к сардинскому королю было действительно личное, я не знаю никого из этих принцев и согласен, что сардинский король неправ перед фр. правом. Но скажите, как он мог отказывать в помощи и провианте могучим эскадрам, которые грозно окружают его остров со всех сторон? Мне весьма прискорбно видеть, что фр. правительство как будто намерено овладеть Пьемонтом... Я очень желаю прямо сговориться с 1-м консулом, искренний характер которого мне хорошо известен... Ещё скажите ему, что я привязан и к его славе и что не нужно, чтобы считали его завоевателем»²⁶. Последняя фраза несомненно ключевая, это призыв к Наполеону быть благоразумным и идти на политические уступки: прекратить захваты и удержание захваченного в Италии, если он действительно хочет мира с Россией и в Европе.

Наполеон, еще не зная, что передаст ему Дюрок из Санкт-Петербурга, уже 25 мая/6 июня устами Талейрана сообщает свой ответ: «Что касается сардинского короля, то требуют полного его восстановления, как в начале 1792 г., или же вознаграждения за Савойю и за графство Ниццу. Это значит требовать больше, чем по договору 1796 года. Это значит требовать, чтобы вторая война, в которой он всё потерял²⁷, доставила ему выгоды. Это невозможное предложение, с какой стороны не взглянуть. 1-й консул вполне готов восстановить сардинского короля, но интересы минуты предписывают ему не уступать преждевременно завоеваний республики, которые могли бы послужить вознаграждением при мире с Англией. Следовательно, он не может согласиться на восстановление немедленное, но он не прочь обещать его в удобную минуту»²⁸.

Бедный Пьемонт, вот она судьба маленькой страны, застрявшей между жерновами большой политики великих держав, сейчас эти жернова провернутся и перемелют её в прах! Бонапарт готов использовать Пьемонт как разменную монету в большом политическом торге с Англией, но не более того, он не прочь обещать восстановление прав короля, но на языке политики это означает, что, скорее всего не восстановит никогда, ибо удобная минута может ведь и не наступить.

Упорство императора Александра в пьемонтском вопросе носит принципиальный характер, он сам указывает на это в инструкции новому послу в Париже графу А.И. Моркову²⁹. Но Бонапарт непреклонен и подчеркивает это пером Талейрана в меморандуме А. С. Колычеву от 28 июля/9 августа: «Одна статья, касающаяся сардинского короля, представляет предмет спора. Изложение этой статьи... не может быть принято 1-м консулом. Он решил поступить с этим принцем-союзником Англии, точно так же, как Англия поступит с союзниками республики, Голландией и Испанией... ведь его немедленное восстановление не так уж важно в политике, чтобы тот час же забыть его действительную вину перед Францией и бесчисленные неудобства его соседства для всеобщего спокойствия»³⁰. Первый консул проговорился: главная причина нежелания освободить Пьемонт в «бесчисленных неудобствах его соседства», то есть в том, что перевалы альпийские снова окажутся не под французским контролем и дочерняя Цизальпинская республика, отдаленная от Франции независимым Пьемонтом, может оказаться и слишком уязвимой для удара австрийцев, владеющих Венецией, и слишком самостоятельной от Франции, не соседствуя напрямую с нею.

Бонапарт даже идет на то, чтобы дать Александру I политическую взятку лишь бы оставил его в покое с пьемонтским вопросом: 14/26 августа Талейран сообщает Дюроку в Санкт-Петербург, что первый консул, даже не дожидаясь подписания мирного договора, берет на себя обязательства не посягать на суверенитет родственников русского самодержца в Вюртемберге и Бадене³¹. Это обстоятельство действительно было включено в текст мирного договора при его подписании 28 сентября/10 октября 1801 г. Но свое нежелание возвращать независимость Пьемонту Бонапарт ясно выразил австрийскому послу графу Кобенцлю в конце сентября того же года; когда в ответ на нежелание освободить Пьемонт австриец заявил: «вся Европа восстанет против этого похищения, он (т.е. Наполеон – *Б.К.*) возразил: «ну и пусть она придет и отнимет его»³².

Александр I в своем рескрипте гр. А.И. Моркову от 4/16 ноября предложил тогда добиваться присоединения Пьемонта к Цизальпинской республике, либо образовать Пьемонтскую республику³³, но только не оставлять в руках Франции. Настоятельно защитить интересы сардинского короля император призывает графа Моркова и в рескрипте от 8/20 ноября³⁴. Посол в ноте, переданной Талейрану 16/28 ноября, снова предлагает вернуть Пьемонт его королю³⁵ и снова отказ. Русский император понимает, что все усилия напрасны, но хочет, чтобы Карл-Эммануил II

получил хотя бы территориальные возмещения: «но не меньшим долгом служения вашего будет продолжать настояния ваши об удовольствовании государя сего не денежно но областями...»³⁶. Но из реляции графа Моркова от 20 марта /1 апреля 1802 г. становится известно, что первый консул готов удовольствовать короля землями не ближе чем на ... Ионических о-вах (!)³⁷, то есть у берегов Албании и Греции...

Через полгода граф Морков в реляции от 9/21 августа сообщил, что Бонапарт: «формально объявил мне, что никогда не отдаст Пьемонт добровольно, и что ему будет неприятно видеть этого принца поселившимся в Италии... Впрочем он охотно готов сговориться с Е.И.В.-М., чтобы доставить ему какой-либо другой удел, например, в Турции или Алжире. Воспользовавшись моим изумлением... он продолжил, что на его взгляд, турецкая империя готова рухнуть в Европе... и если бы не из чего было образовать достойного удела для сардинского короля, то можно было бы завести речь о берегах Африки, когда будет разрушено там могущество берберов, чем он займется немедленно»³⁸.

Сама по себе эта идея может показаться на первый взгляд жестокой насмешкой или сардонической иронией всемогущего диктатора. Однако, при серьезном исследовании личности Наполеона, необходимо констатировать, что во всем этом мог быть и некий элемент искренности, ибо ему время от времени приходили на ум фантастические идеи покорения Ближнего и Среднего Востока. Причем он действительно считал это возможным делом ближайшего будущего и поэтому увлекаемый своей пламенной фантазией, тем более в момент беседы, мог посчитать такой проект выполнимым. При этом зная спокойный и несколько меланхолический темперамент императора Александра I, можно себе представить, как его должны были раздражать подобные заявления Бонапарта, каким жестоким издевательством над правом и моралью, должны были казаться этому умеренно-либеральному и сентиментальному монарху подобные корсиканские эскапады.

Между тем развязка была уже близка: 11 сентября 1802 г. Пьемонт был разделен на шесть департаментов, устроенных по французскому образцу. Тем самым великодержавным усилиям и устремлениям Александра I был нанесен ущерб, а подобного унижения простить невозможно. Характер русской политики по отношению к Франции начал меняться.

---

¹Наполеон. Избранные произведения. Т. 1. М., 1941. С.41–56.

- ²Там же. С. 295.
³Там же. С. 313.
⁴*Ожунь С. Б.* История СССР (Лекции). Ч. I. Л., 1974. С. 100.
⁵*Манфред А. З.* Наполеон Бонапарт. Сухуми, 1989. С. 309.
⁶Сборник Императорского Русского исторического общества (СБИРИО). Т. 70. СПб, 1890. С. 1–3.
⁷Там же. С. 3–4.
⁸Там же. С. 10–11.
⁹Там же. С. 28–29.
¹⁰Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы. Серия I. Т. I. М., 1960 (Далее ВПР). С. 53.
¹¹СБИРИО. С. 126–127.
¹²Там же. С. 127.
¹³Там же. С. 132.
¹⁴Там же. С. 131.
¹⁵Там же. С. 133.
¹⁶Армия, сражающаяся с французами в Египте.
¹⁷Там же. С. 115–116.
¹⁸См.: там же.
¹⁹Австрийский представитель на переговорах о мире с Францией.
²⁰Иосиф (Жозеф) Бонапарт, старший брат Наполеона, возглавлял переговоры с Австрией, будущий король Неаполя (1806–1808) и Испании (1808–1814).
²¹Так с 1797 г. именовали в Париже Ломбардию.
²²Зять короля Испании, союзника Франции.
²³Сардинскому королю.
²⁴СБИРИО. Указ. соч. С. 150–151.
²⁵Император Александр I.
²⁶СБИРИО. Указ. соч. С. 177–179.
²⁷Кампания 1800 г.
²⁸СБИРИО. Указ. соч. С. 183–184.
²⁹Там же. С. 205.
³⁰Там же. С. 242–243.
³¹Там же. С. 253.
³²Там же. С. 266.
³³Там же. С. 287.
³⁴Там же. С. 291.
³⁵Там же. С. 296–297.
³⁶Там же. С. 302.
³⁷Там же. С. 385.
³⁸Там же. С. 491.